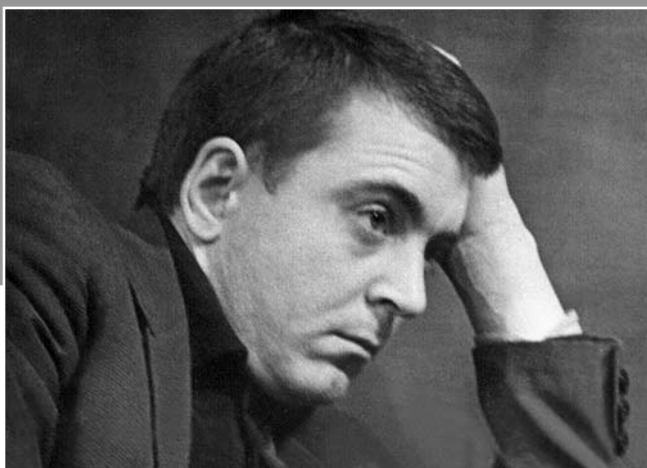

Возвращение Поэта

6

ПОЭЗИЯ

*Иван
Данилов*

1941–2010

1967 г.

В результате усердного поиска наши постоянные авторы Эдуард Учаров и Галина Булатова обнаружили и заполучили архив (неопубликованные стихи, дневники, письма...) замечательного казанского поэта, человека драматической судьбы Ивана Данилова. Сегодня после кропотливой работы новоиспечённых архивариусов над этим архивом мы публикуем его часть. И начинаем, конечно, со стихов

Следы

Об этом трудно, но смолчать не легче...
А было просто – выпал первый снег,
И утро, потонувшее по плечи
В распухшей за ночь белой тишине.
Но вздрогнул снег на плечиках у липы,
И словно кто железо расстелил:
Как лист металла, так железным скрипом
Сверлили переулочек костыли...
И вот на них наваливаясь круто,
Шёл человек, упрямо сжавши рот,
Шёл осторожно, напряжённо, будто
В сухом снегу отыскивая брод,
И в снег, глаза слепящий чистотою,
Который дорог был ему вдвойне,
Впечатывал единственной ногою
Безмолвное
проклятие
войне.

* * *

Скажи мне правду, старый лес,
О чём твои осины шепчут?
Отдай берёз холодный жемчуг
И тайну годовых колец,
Что в каждом свежем срезе пня,
Являя копию улитки,
Горят во мхах средь бела дня,
Будто спираль электроплитки.
Открой мне тайны, старый лес,
Скажи – отмерила мне сколько
Лесное чудо из чудес,
Пророчица – кукушка бойкая?
Скажи, как много мне в траве
Твоей плутать не уставая?
Одну из тайн своих доверь –
Ты знаешь всё, а я не знаю.
Скажи мне что-то о себе...
Давай чуть-чуть порассуждаем
С тобой, горящим в сентябре,
Незыблемым,
Незабываемым.

* * *

Всё отзвенело, отгорело,
Приобрело гравюрный вид.
Идут ветра, и в роще белой
Всё распьяным-пьяно стоит.
О, как пронзительны и резки
Осенние метаморфозы те –
От расточительного блеска
К негромкой мудрой простоте.

Ливень

Он снизошёл на землю,
Воинственный и дельный,
Был для иссохшей зелени
Эпохой Возрожденья.
Где ливень бился в вереске,
Как рыба на мели,
Начало вешней прелести
И чистоты земли.

* * *

Мир на совесть промыт, продут
И звенит голубой, торжественный.
Словно Волгой ладьи пройдут –
Облака над землёй прошествуют...
Будет слышно: буксир-старик
забубнит иззябшими плицами,
и высокий сорвётся крик
захлебнувшейся небом птицы.

* * *

В моём окне прорезалась звезда
И вместо стёкол – бронзовые латы,
И где-то проверяют поезда
Устойчивость земли покатою.
Пронзительна заслуженная тишь,
Здесь шелест звёзд в густом тумане тонет
И два откоса островерхих крыш,
Как две больших натруженных ладони.

Те давние зимы...

Замыкаясь в кольцо,
Годы шли, как идут карусели.
В твоём доме тепло,
Как доценты, ковры облысели.
А над крышей хрипят
Трубы, будто бормочут шаманы.
Тихо в сумраке спят
Зеркала, словно пепел, туманны...
И так пусто кругом,
Так пустынно, необъяснимо,
И качают твой дом
Извлеченья из пианино.
Гаммы косо бегут,
Как усталые вёсла вдоль лодки,
Как олени в снегу,
Между клавиш горячие локти.
Совершенно в другом
Мире музыка эта кончается.

И качается дом.
По инерции, видно, качается...

Улыбка

Её нашли. От пыли и от глины
Очистили. И вынесли на свет.
В каких глухих жила она глубинах?
И сколько тысяч пролежала лет?
Ты видно чист был, древний человек,
Пережила раз в этом мраке зыбком
Гробницы фараонов, русла рек
Твоя тысячелетняя улыбка.
Мы иногда невежды... Ты прости...
Теперь мы знаем, как любилося, пелось,
И нам земля сумела донести
Чистосердечную твою окаменелость.
Как омрачаем мы порой рассвет.
Давайте жить открыто, не лукавя,
Чтоб после нас на сотни тысяч лет
Вот так же щедро улыбались камни.

* * *

Принимаю влюблённо
В преклоненье колен
Государство озона
И берёзовый плен.
Отдаюсь всплескам шалым
Белых птиц в высоте
И объятой пожаром
Предзакатной воде.
О, как ливни косые
Опадают рябя!
...Подскажи же, Россия,
Как понять мне тебя.
Ухожу до рассвета,
Где исконно, века
Источает планета
Синий звук родника.
И круги в зыбкой сини,
Как касанье орбит.
Как постичь мне те силы,
От которых знобит?!
Солнце сыплет веселье
Из зелёных прорех.
Приворотное зелье
Ослепительных рек.
И прильну, – как причастье! –
Я к тебе, как к ручью.
Это, может, и счастье,
Только я промолчу.
Бродит ветер травую.

Тропы входят в село.
Промолчу. Не раскрою,
Что во мне проросло.
Первозданно и чисто.
И не спится волне.

Постижение Отчизны
Происходит во мне...

Волга

Там, где ночью чудачат совы,
В озорстве всполошивши сны,
Есть в лесной глухомани часовня,
Ладно сбитая из сосны.

Полонённая бездорожьем,
Тишиной, но и тем горда,
Что с неё на Руси безбожной
Начинаются города.

Белокаменные, златоглавые –
Словно в небыли, будто сны,
Вековой осияны славою,
Взмыты к небу, как звон косы.

Что с неё, от соснового кряжа
И, как прялка древней стены,
Началась голубая пряжа
Многотысячевёрстной длины.

Нитка-ниточка. Тонко – не рвётся.
Лишь позванивает под рукой,
Потому как уже зовётся
Волгой-матушкою рекой.

А потом, чуть взметнув рубахою,
Да в такие ли да в бега –
Только охают, только ахают
Изумлённые берега!

А ночами совсем не верится,
В ней такое – не разберёшь:
По соседству с Большой Медведицей
Пучеглазый елозит ёрш.

И от века в ладонях Волги
Круто смешивает волна
Пароходы и хворост молний,
Звёзды, судьбы и времена.

Начало

Я стою на земле. Облака белой выюгой клубятся.
Мои ноги, как корни, пропадают в дремучей траве...
Подо мною озёра, как кержацкие древние святцы,
Неохватным туманом поднимаются к голове.

Сколько минуло бед и веков пламенеющей крови,
Сколько тысяч восходов и закатов в ней ярко горят –
Над моей родословной то ль варяжские, скифские ль брови...
Табуны, ледоходы и славянские реки шумят.

Гордый месяц сквозь мглу к тропе соболиной выходит,
То ли сабли кривой предзакатный багровый всплеск,
Печенег качаются на ременных стеблях поводий,
Храп коней сотрясает даже птицей покинутый лес...

И не с той ли поры, с тех ночей жутковатых и длинных,
Где плясали костры на испытанных кровью мечях,
Дремлют в пашнях, снегах очень медленные былины,
Что, сложившись, текли, словно реки, в сырых ночах.

Не оттуда ль восходят курганов лобастые сказы,
Неистлевшая мудрость поистлевшей уже бересты.
Вещий взгляд замерцал – о, тревожная кисть богомаза! –
И дымы прорастают, из огня – голубые кусты.

Сколько лет утекло – не сочтёшь, да и нету им счёта,
Сколько высохло рек и оттаяло горных вершин,
Но мне шепчут века про своё сокровенное что-то –
В русле памяти нам никаких не воздвигнуть плотин!

О мой пращур лесной, подари мне тугие ладони,
Что, как сёдла, крепки и смуглее крылатой зари,
Пусть вся мудрость твоя сединою виски мои тронет,
Своей доброю мыслью, нежным сердцем меня одари!

О вы земли России! – где мои простодушные предки
Так склонялись к сохе, так точили в золе топоры,
Что сквозь срубы, пожары, через битвы и пятилетки,
Как ядро из пращи, вырывались в иные миры.

От кольчуг и икон, обветшалых избушек саманных,
От певучей стрелы и зазубренного топора,
Шли сквозь пепел и гул в анфилады галактик туманных,
Где до вас – ничего, уж и впрямь – «ни кола, ни двора».

.....
Я стою на земле. Облака надо мною клубятся.
Нынче снова в соседях у меня тишина и трава.
Подо мной – городов белокаменные вариации
И от дали сквозной шалеет чуть-чуть голова.

Но когда в наших днях второпях перепутаю тропы,
Словно звёздную карту, воскрешу эхо дальних времён –
И дорога ясна, если верю, как в лучшие строфы,
Что Непрядва журчит, что град Китеж всё так же силён...

* * *

Когда покинет женщина меня,
Когда не станет ни семьи, ни денег,
Тогда я вспомню про безлюдный берег
С тревожными сполохами огня.
Трава там безыскусна и горда
И жизнь подобна песенному сказу –
Она не изменяла мне ни разу
И, видно, не изменит никогда.
Она мне даст ломоть ржаного хлеба,
Глоток студёной ключевой воды.
И нет уж суеты, и нет беды,
А просто ложе трав и полог неба.
Не попрекнёт куском. И в меру сил
Прикрыв от горькой памяти былого,
Мне даст за верность искреннее слово,
Какое я в стихах ей говорил.
И вот когда над лесом, над рекой
Луна, расщедрясь, свет волшебный выльет,
Взметнётся сердце, как от ран навывлет,
Во мне, не знавшем верности такой...

* * *

Приграничный базар. Азия

Алый жар азиатских блюд.
Ритм крамольный играет бусами.
Приграничный базар. Верблюд
Двугорб, как бинокль над бруствером.
Существо непомерной гордыни –
Как два влажных зарева взгляд,
А в зрачках отражаются дыни,
Словно звёзды в ночи горят.
И стоит среди полдня затерянный,
Чёрный, как погребальный плач,
Мумией среднерусского дерева
Иссушённый жарой карагач.
Лишь порой, будто всплеск из ножен,
Рассекает тягучий зной
Взгляд и пристальный, и тревожный,
Освежающе молодой.
Проскользнёт азиатской Ладой,
Лишь ресниц остаётся взмах
Горьковатую и прохладной
Хвойной веткою на губах...

* * *

Словно гулы больших столиц
 Вдруг заполнили тесную площадь –
 Началось гнездование птиц
 В обалдевшей от крика роще.
 Без прописки, без жилконтор
 (Управдом бы изрёк: «Не верю...»)
 Происходит с недавних пор
 Расселение по апрелю.
 Гнездование – понятен вполне
 Птичьих песен настрой высокий,
 И гнездятся где-то во мне
 Снизшедшие с веток строки.
 На соавторство, честное слово,
 Не стремясь предъявлять права,
 Я к той музыке, что готова,
 Всё ж пытаюсь сложить слова...

* * *

Не каждой ночи по плечу
 Создать меня древней и проще,
 Задуть старинную свечу,
 Чтоб звёзды обозначить в роще.

И поселить в холодный сад
 Дождя осенний беспорядок,
 Чтоб сок земли вернуть назад
 В законченной форме яблоч.

И, сомневаясь, отойти,
 От скверны очищая совесть,
 К тому голгофному пути
 Уже продуманно готовясь.

Старый дом

Содрогаются ливни, и плывут под уклон тротуары,
 У подъездов в плену потихоньку бормочут гитары.
 Старый двор. Старый дом закрывает скрипучие окна,
 Слышен тенор листвы и проржавленный бас водостока.
 Пусть плывёт грозовой обжигающий запах сирени,
 И берёзы пьют дождь, тонконогие, словно олени.
 Покидаем тебя, не жалея об этой затее.
 Без тебя, тихий дом, уезжая, чуть-чуть сиротеем.
 ...Новостройки. Бело. Смотрят гордо они и парадно.
 Ты прости меня, дом. Я сегодня вернулся обратно...

* * *

Уйду в леса. Следы завьюжит как бы
Осенних листьев рыжий перемёт...
Полночный филин – завотделом кадров –
В ночные сторожа меня возьмёт.
В сухом дупле придумаю жилище
(Мне леший выдаст ордер на него),
Чтоб был там свет, тепло, немного пищи,
Чтоб первородство на сердце легло.
И в белый час потрескиванья молний
В своей душе порядок наведу
И буду слушать и смотреть безмолвно,
Как спичками расчиркался Ведун.
Всё будет непридуманно и просто,
Как облака задумчивый полёт,
И, как от язвы жёсткая короста,
Всё суетное напрочь отойдёт.
Когда ж наступит старость и ночами
Я буду гаснуть на сырой земле,
То даже тут, чтоб облегчить прощанье,
Кукушка вечность напроорочит мне...

* * *

На речке детства тёплая вода.
Она уже теперь совсем забылась.
А вспомнишь – вот уже опять забилась,
Журча, процеживаясь сквозь года.
На речке детства светлая вода,
Светлей теперь не будет никогда.
И острой будет и нежданной будет,
А та была – как ток сквозь провода.
Ни всплеска рыбы, ни звезды со дна –
На речке детства грустная вода.
Да, впрочем, к ней приходят не с весельем,
Пройдя свой август, то есть не весенним –
Тропой тридцатилетнего следа.
И в памяти – в вечернем захолустье –
Размытость обязательной межи:
Всегда забыты этих речек устья,
А вот истоки – нет. Они свежи.

* * *

Мы всё дороже платим за ошибки.
Где ж годы те, когда ошибок нет?..
Он догорел, мой синий бересклет,
костёр, сбравший в круг мои пожитки.
Сушил в дожди, не иссушал в жару,
и языков молва была не злою;
тепло хранящий, даже став золою,
привыкший к птице, к зверю, к топору...

Мы платим за ошибки всё дороже.
 Золы всё больше, да чуть-чуть тепла.
 И где-то мимо – в осень, бездорожьем –
 единственная женщина прошла:
 от стужи одиночества бледнея,
 успев своё отплакать, отлюбить...
 А к осени тепло – оно нужнее.
 Подольше б лету бабьему побыть.

Тридцать лет

Тридцать лет. Светло, не пьяно.
 Без оказии.
 Сплю в заснеженных Саянах,
 В центре Азии.
 Сплю в Саянской котловине,
 Гор свечение.
 Жизнь – к вечерней половине,
 Мысль вечерняя.
 Юрты розовый башлык,
 Зябко светится,
 Ждали: к тридцати, как штык,
 Перебесится.

.....
 Только степь (не в ней ли бес?)
 Всё вращается,
 Как пластинки чёрный блеск –
 Песнь прощания
 С тем, что минуло. Вольна
 В грусти музыка.

...Лето, волжская волна
 В каждом мускуле,
 И мохнато-золотой
 Шмель гундосенький,
 И прожекторно-прямой
 Выстрел просеки.

...Спят Саяны, сон глухой –
 Спите, древние, –
 Возвышаясь над тайгой,
 Над деревнями,
 Но тревожный грянет час,
 Час полуночи,
 вспыхнут, знобкие, лучась,
 Пики лунные:
 Без торжественных речей
 И эпитетов
 Тридцать яростных свечей
 Ослепительных...

Январь на пасеке

Тихий снег, словно снег со времён Калиты.
Даже улы, что вписаны круто
в утро, – будто монашьи скиты
с высоты реактивных маршрутов.
А вблизи – это жизнь, это дух, это ток –
всё в подробностях вечного свойства:
трав таинственный, неуследимый исток
и – живого несметное войско.
И сверкает кругом – на земле и в верхах,
в скрипе, в звоне безумной отваги,
и зверьками ручными ручьи отсверкав,
промерзают за банькой в овраге.
Но пока – в золотом заточеньи ткачи
и творцы золотистого света,
что соткут, разоденут в цветы все концы
осмуглевше-медового лета...

* * *

Не без добрых людей
свет.
Не без чёрных людей
мгла.
Потому я даю
обед
проводить тебя
до угла.

Хитроумно придуман
лаз –
зло нечасто идёт
наобум.
Не без чёрной зависти
глаз.
Не без светлой зависти
ум.

И когда с добротой
успел,
всё надёжней бренчанье
лир.
Потому-то и свет
бел,
потому-то и свеж
мир...

* * *

Леониду Топчию

Как будто постарался Аладдин –
 Вдруг память сотней ламп забрезжит матово.
 ... Не укрывай безвременных седин
 И по утрам морщины не рассматривай.

Ты не считай обид и не храни,
 Они некстати твой покой нарушат.
 И чьё-то Зло в Добре похорони,
 И Злу не дай проклюнуться наружу.

Смотри на небо и броди во ржи.
 Наплюй на всё. Не помышляй о мести.
 А время с теми авторами лжи
 Ещё сведёт все счёты честь по чести...

* * *

Марку Зарецкому

Гремят мостами грузные составы,
 Нанизывая фермы на дымок.
 Пружинят несгибаемо суставы
 Дороги, мчащей песню на Восток.
 Вот первый кедр. И террикон. И белка.
 Циклон тайги. Река и снова сушь.
 И путь был прям, как компасная стрелка.
 Как точный компас совести и душ.

1961

* * *

Геннадью Капанову

Сия нас чаша нет, не миновала,
 коль обернулись и тебе, и мне
 щербатые ступени в полутьме
 ущербными ступенями подвала.
 В бессонницах – и всё же не напрасных! –
 мир отмерцал на тех же образах,
 и вот – не «мальчики кровавые в глазах» –
 околыш милицейский красный...
 И вот не в родниках, не на полях,
 все прегрешенья взявший на учёт,
 твой участковый протокол прочтёт:
 «Ты пьяный, Гена, ты сегодня пьяный»,
 коль ладом обладая и басами,
 ты так и не допел ту песнь свою –
 «Меж тем же смехом, теми же слезами,
 Всё так же посереёдке стою...»

1974

* * *

Погибшему художнику Косте Васильеву

Разве стихам, разве им бы
Музыку смертного воя?..
Это пока ещё лимбы –
Адовой будет втрое.

Только в тиши Вселенной
Пропало понятие «звук».
Льдисто сцепленье в венах,
Оцепененья круг.

И оцепененье кандально.
Суметь бы дойти, дотянуть.
К точечке самой дальней.
Да не прервётся путь.

5 ноября 1976 г., пятница

* * *

Рустему Кутую на 50-летие

...Года сплелись, как нити, в полотно,
но время гасит то мерцающее диво.
Лишь память детства, как родимое пятно,
до гробовой доски не выводимо.
За хворобой тоски сумасводимой
настанет час... и нити расплелись,
чтоб свиться по-другому воедино,
чтоб что-то дрогнуло... и отлетело ввысь.

1986

* * *

Вилю Мустафину

Вот и жизнь не сложна. Где уж проще...
Лица близких – посмертные маски.
Как сомнамбулы, белые сказки –
роковые рощи на ощупь.
Пусть мерцают Лядские сады,
пусть леса Кзыл-Байракские светят,
если память теряет следы –
память знает, куда она метит.
Пусть закаты красны и вино,
этой рощей – и садом, и адом...
И не надо тропинки иной.
Да и ту занесёт листопадом.

1986

* * *

Ивану Данилову

Тот уличный кусок,
 Что против моего окна,
 Случайный посетил прохожий.
 (Его я вижу, как бы ни старалась мгла!)
 Крик петушиный – третий –
 Сквозь трамвайный лязг
 Его приветствовал. Живой – живого.
 В мучительных заботах о судьбе
 И о несовершенстве мироздания
 Прошёл прохожий, канул за углом,
 Где «Бакалея» спит ещё затеряно («Ау-у!»),
 А у дверей котельной ломает о ступеньки ногти
 В тщете наивный пьяный кочегар.
 ...Какой же ранний гость у моего сознания!
 Бесхитростный и, может, самый чистый,
 Пока ни слова он не произнёс –
 Ещё не в силах. Но кто из них мой гость?
 Вот в чём вопрос, увы, совсем не праздный...
 Каким-то чудом дважды он прожил
 Одну и ту ж минуту в этом мире.
 И на ступеньках кочегарки в пьяном
 Мычании, и пройдя вдоль окон (в том числе моих).
 Когда небритый гость опять в одно соединится
 С побритым тщательно, тогда мы с ним...
 Тогда мы с ним, наверно,
 Куда как всласть поговорим о вечном.

P. S. И будет гостю моему совсем не стыдно
 За кражу той минуты, дважды прожитой, за счёт кого-то.
 Он просто знать, он знать её не хочет,
 Тем более не понимать, ни помнить:
 Ведь так случайно это приключилось.

...включите свет и сядьте, ранний гость,
 Нам предстоит нелёгкая беседа.

1979